
СВЕТЛАНА НАРВАТОВА
ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВА
Аленький злобочек

Светлана Нарватова
Юлия Васильева

Аленький злобочек

https://litres.ru/73272542
SelfPub; 2026

Аннотация

Что если на просьбу привезти цветочек аленький батюшка привезёт сразу чудовище?

Это будет совсем другая сказка!

Про цветочек со злодейскими мечтами о захвате мира, зелейницу с маленьким бизнес-планом, скромного купца, выдающего дочь замуж, и без пяти минут Богатыря земли русской, о женитьбе и не помышляющего.

Мы расскажем эту сказку так, как услышали ее сами. Двигайтесь ближе к огню, чтобы узнать, чем дело кончилось...

Содержание

Пролог 4
Глава 1. Это был отличный план! 18
Глава 2. Не оранжерея, а проходной двор какой-то! 35
Конец ознакомительного фрагмента. 51

Юлия Васильева, Светлана Нарватова
Аленький злобочек

Пролог

"– Родной мой батюшка, не вези мне шелка, расшитые золотом, и меха из черного соболя, ни жемчуг восточный, ни золотой венец с драгоценными камнями, ни хрустальный столик с зеркальцем, а привези ты мне цветочек аленький, которого бы краше не было на белом свете".

"Аленький цветочек" С.Т. Аксаков

Степан Гордеевич Букашкин, седая борода лопатой, дородный живот под дорогим камзолом, ловил своим достойным лицом уже третью волну к ряду.

И все потому что старый дурак. Нет, хуже – дурак сентиментальный.

Доченька-красавица подарок попросила. Привези, говорит, батюшка цветочек аленький… Как его, Coccinius pendulum – название-то какое срамное! Привези, тогда и замуж по твоей воле пойду.

Ну как не привезти?

Дочь любимая – с женой покойницей одно лицо, а упрямства так и на два лица хватит.

Такую только замуж, чтоб беды не вышло.

Купец крякнул от досады и снова хлебнул соленой водицы.

– Эй, Петька, легче греби, легче! Не бочку огурцов везешь!

Петька съежился, чувствуя руководящий взгляд купца между тощих лопаток, но грести легче так и не начал.

А Косинус Пендюлюм этот как назло всего на паре островов и растет. Степан Гордеевич думал договориться с местными рыбаками, но те отказались наотрез, словно им в пасть к крокодилу залезть предложили. И бормотали-бормотали что-то на своем басурманском. Капитан Букашкинского корабля, сказал – цену набивали.

Ну что, Степан Гордеевич – муж не робкий, даром что борода седая, зато под ней волевой с ямочкой подбородок. Даже два! Взял юнгу, брошюрку с картинкой цветочка и сел в шлюп. Путь, спасибо и на том, за пару монет рассказал местный пьянчуга в одежде моряка.

А волны и потерпеть можно, ради дочкиного блага и замужества.

Нос шлюпа ткнулся в песчаный пляж очень вовремя, как раз тогда, когда Степан Гордеевич стал думать, что участь старой девы для Настасьи не такая уж плохая доля. За ста-

риком-отцом опять же досмотрит…

Но вот под ногами оказался вожделенный берег, и наваждение отступило. Нет, замуж и только замуж! Засушим этот Сосинус в Пендель – с ним к алтарю и пойдет!

Остров был как остров: полоска желтого песка и джунгли, из недр которых доносились крики иноземного зверья. Верно капитан рассудил: поживиться рыбаки хотели за счет пришлого купца.

А вот не вышло, выкусите!

Степан Гордеевич пустил юнгу, вооруженного длинным тесаком, вперед по заросшей тропинке прорубать дорогу. Юнец махал орудием бестолково, но орать не него не хотелось – хотелось с высоких мосточков да в прорубь, такая влажная жара навалилась на них под зеленым листьями, как в бане.

– Степан Гордеич, – заныл Петька, – тошно здесь, мочи нет.

– Цыц, не сахарный – не растаешь. Рубаху вон сними.

– Да нет, будто в спину кто-то смотрит, – не унимался юнга.

– Я тебе в спину смотрю, балбес, – не выдержал купец. – А ну дай сюда ножик!

Перехватив тесак покрепче, Степан Гордеевич с задорным русским “эээх”, не слышанным еще в этих землях, прорубил путь до ближайшей поляны.

На небольшом пространстве, свободном от джунглей, Со-

синусов этих было хоть венок плети, хоть в снопы собирай. Купец даже мысленно себя выругал. Он-то, дурья башка, горшок всего один взял. Да и горшок такой, что цветок с трудом влезет.

– На тебе, Петька, совок, копай, да смотри, корни не повреди, – распорядился он и, умаявшись с непривычки, присел на камушек, который торчал неподалеку прямо из земли.

На Степана Гордеевича накатило благостное чувство. Уж как всё просто и легко получилось-то! И цветок нашёлся, и Петька совком орудует лучше, чем веслом. Букашкин огляделся вокруг. Сколько всякой иноземной растительности было – озолотиться можно. Особенно если один-два кустика в Царский Плантариум сдать. Прочим же покупателям рассказывать, что такое чудо только у царя-батюшки растёт в зимнем саде.

Затея сия сулила несметные богатства, завлекая Степана Гордеевича своей гениальностью и простотой.

Отличный план! Разве что-то может пойти не так?

А тем временем…

Наконец-то это свершится!

Он выберется с проклятого острова!

Атрокс Великий ждал этого момента долгих четыре десятка тел.

То есть лет. Конечно, лет!

Тел было больше.

Но раньше.

Лет, возможно, тоже было больше. Бесконечная череда жарких дней и ночей, одинаковых, как близнецы-братья, слились в бесконечную липкую череду, наполненную писком надоедливых москитов.

Впрочем, липкий пот и москиты – это из прошлой жизни.

Жизни вообще. С тех пор как Атрокс провёл ритуал обретения послесмертия, москиты и пот ушли навсегда. Вместе с мышцами, жиром и внутренними органами. Когда-то давно его упрекали в бессердечности. Обзывали толстопузым слабаком и безмозглым ничтожеством.

Ну и где они теперь, такие умные и сильные?

Стали прахом!

Без сердца и мышц можно прекрасно существовать, Атрокс убедился в этом на собственном опыте.

Даже без мозга.

Кости, кожа и дух – вот и всё, что нужно.

Ещё мажеский талант.

И сорок тел.

Или больше.

Что поделать? Свежевылупившийся костец требовал много маны. Пришлось часто охотиться.

К сожалению, с каждым разом найти людей на острове становилось всё труднее и труднее. А после они и вовсе про-

пали. Видимо остров приобрел у туземцев дурную славу.

Атроксу это место сразу не понравилось. Но ему выбора не оставили. Еще в студенчестве он понял: ему уготован иной путь, не такой, как у всех, и стал искать древние книги по темному искусству. Чтобы найти на них деньги, он подвизался на лето судовым магом. Но кто-то из команды оказался достаточно грамотным, чтобы понять особое содержание манускриптов. На него набросились ночью, связали, сунули в рот кляп, и в таком виде бросили на необитаемом острове.

И книги его бросили там же, чтобы он с голодухи грыз гранит науки, пока не исправится. Так они смеялись.

Но Атрокс не собирался исправляться.

И грызть он намеревался глотки обидчикам. Вот вернётся и всем отомстит. Пусть не им самим, а их детям и внукам.

Он всем, все-ем припомнит!

Когда Атрокс освоился в новом облике и обрел полную мощь, он создал свое собственное судно. Но выяснилось, что покинуть остров не в силах. Кто-то достаточно сильный замкнул вокруг него защитный контур. Видимо, среди местных водились шаманы.

То, что его настолько боялись, льстило.

Но обесценивало все достижения. Какой смысл становиться Атроксом Великим, если об этом никто не узнает, кроме горстки туземцев?

Не один десяток лет костец ломал голову, как вырваться в большой мир. А когда способ был найден, выяснилось, что

он недостижим. Ничтожные людишки не желали являться на остров!

А ведь он уже полстолетия никого пальцем не трогал!

Но теперь, теперь все изменилось!

Возле острова на якорь встал корабль. Настоящий, большой корабль. И два безумца причалили к берегу. Магу потребовалась вся выдержка, чтобы не наброситься на них сразу. Нет. Сегодня у него другая цель.

Уплыть с острова, и пусть весь мир содрогнется!

Атрокс следовал за чужаками, выжидая удобный случай. И он подвернулся! Как выяснилось, они прибыли за растениями. Несложной иллюзией женского визга маг заставил пришельцев оставить горшок и рвануть на подвиги. Пока те гонялись за голосом, Атрокс бережно вложил к корням растения свою филактерию и утрамбовал землю в горшке.

Теперь осталось только развоплотиться и уйти в Навь. Филактерия станет носителем бессознательного духа и должна с легкостью преодолеть магический барьер. А уже потом, когда горшок с растением окажется на суше, Атрокс покинет свое убежище и захватит подходящее тело.

Отличный план! Разве что-то может пойти не так?

На этой оптимистичной мысли Атрокс ушел в астрал.

Два месяца спустя в Заонеже

День отбора в орденатуру Тридевятого Ордена богатырей земли русской надвигалась с неотвратимостью снежной лавины. Платон блестяще окончил университет по направлению «Боевой чародей» и теперь мечтал продолжить подготовку в самом влиятельном ордене.

У него была всего одно слабое место – духоборство.

С духами у Платона не складывалось.

Ведь глупость же какая это духоборство! Зачем с ними бороться, если они бесплотные сущности? Другое дело – маги вражеские, заморские! Там сразу понятно, кто виноват и как их шинковать. Это Платон знал.

Умел.

Практиковал.

В теории, во всяком случае.

Не то что духи!

Вот сто – сто пятьдесят лет назад всё было иначе. Тогда духоборство было в чести. Чернокнижники какой только нечисти из Нави не тащили! Только нет их больше: ни чернокнижников, ни злобных духов. Осталась всякая мелочь шелудивая, на которую и силы жалко тратить. Ведь не беда же совсем, что Платон не силён в этой мажеской области?

Так нет же, у тридевятников как назло испытание по духоборству при приёме стояло! И не абы какое, а с отметкою.

Благо ещё задание было заранее известно и не менялось уже полвека как, а то и больше. Вызвать сущность, зафиксировать и подчинить на уровне простейших велений.

И вот тут крылась проблема. В университете все занятия по духоборству велись под защитном куполом. Призывались одни и те же давно полонённые духи, измученные студиозусами до такой степени, что непонятно было, в чём эктоплазма держится.

А на отборе никакого купола не будет.

И духов, которые выползают на каждый свист, потому что знают: будет только хуже, тоже не ожидается. Один чистый эфир во все стороны. С чистым эфиром у Платона не складывалось. Именно поэтому он согласился на просьбу батюшки поухаживать за немощной двоюродной теткой вдалеке от столицы. Вряд ли в таком захолустье кто заметит тайные магические эксперименты вчерашнего студента.

Городок Заонежъ оправдал все худшие (в хорошем смысле этого слова) ожидания: он был тихим и вязким, как болото. На всю губернию один боевой чародей на довольствии, и тот в разъездах. Упражняйся – не хочу.

Вдовая тетка проживала в местной Купеческой слободке, да еще и неподалеку от погоста. За пару дней оглядевшись на новом месте, Платон далее решил не тянуть. Тем более новолуние на дворе. Лучшее время для призыва. И захочешь подгадать лучше – не выйдет. Незадолго перед закатом Платон разложил необходимые приспособы и принялся чертить

на полу пентакль.

За этот этап он не переживал. По черчению у него всегда было твердое «превосходно». Платон знал весь ритуал на зубок: как правильно расставить свечи, как их поджечь одновременно, как произнести заклинание призыва и какой фиксирующий пас нужно сделать в зависимости от типажа сущности.

Но духи не являлись.

Сколько Платон ни пытался потихоньку вызвать духа на столичном погосте, эфир оставался глух к призыву. То ли духоборец из него так себе, то ли столичная мажеская стража давно извела всех сущностей и раздала по учебным заведениям. Вопрос оставался открытым и нуждался в проверке.

Дождавшись мига, когда закатное солнце нырнуло за окоём, Платон начал. Свечи вспыхнули и трусливо колыхнулись, будто в предчувствии недоброго.

Будущий орденант (а как же по-другому?) передернул плечами. Вот же причудится! Всё у него получится! Что он, не справится с какой-то мелкой бесплотной сущностью?!

Пф!

Разве что-то может пойти не так?

Строго выдерживая ритм, отбиваемый для надежности ногой, Платон нараспев произнес слова заклинания.

Свечи дрогнули и погасли.

Жалкий неудачник! Платон только собрался зажечь их заново, чтобы повторить все сначала, как вдруг почувствовал

– получилось.

Но так, что лучше бы не получалось.

На призыв откликнулось что-то древнее, мощное и очень, очень злое.

А тем временем…

– Здоровые и красивые?… Нет… здоровые и счастливые, – бормотала себе под нос Настасья, пытаясь с пользой провести время, пока готовится декохт. – Вечно здоровые…хм… Ваши зубы останутся с вами до самой смерти! И даже после! Мрачноватенько… но завлекает.

Грифельный карандаш в ее руке споро затанцевал по бумаге, где уже были выведены нехитрые расчеты будущей прибыли от продажи дентального взвара, что булькал в склянке над горелкой.

Девушка удовлетворенно посмотрела на свои труды и поправила прядку русых волос, прилипшую к влажному лбу. Да, домашняя оранжерея, оставшаяся после матушки, мало подходила для зелейских экспериментов, но где еще укрыться от недреманного ока батюшки и слуг?

Ничего, если Настасья верно все рассчитала, от вожделенной свободы ее отделяли всего несколько недель. Не даром она в англицком каталоге выбирала название позаковыристей: кокциниум пендулюм, он же алоцветник поникший,

считался редкостью даже среди редкостей. Пока отец гоняется за экзотическим цветком, Настя уж и дело свое откроет, и из отчего дома уедет, и женихов всех навязанных пошлет туда, где тот самый Coccinius pendulum растет.

Прекрасный план! Разве что-то может пойти не так?

Декохт уже был готов, когда по стенам оранжереи вдруг заскакали отблески заката – кто-то открыл входную дверь.

– Настенька! – раздался знакомый голос. – Встречай отца!

– Батюшка! – голос Настасьи предательски сорвался. – Мы Вас так быстро не ждали!

– Спешил, спешил, удивить – порадовать хотел! Ах, ты ж моя красавица, скучно небось без батьки было? – приговаривал купец, обнимая и поглаживая по голове сконфуженную дочь. – Марфа Ивановна заходила?

Коварный вопрос этот заставил Настасью взять себя в руки. Дело в том, что сваха заходила едва ли не каждый день, напоминая о приближении рокового события, которого всеми силами стремилась избежать девушка. В семнадцать лет замуж? Да не по собственной воле, а по указке батюшки? Будто в сказке какой замшелой, а не в веке, где до столицы от Заонежа всего сутки на поезде!

– Заходила… – многозначительно протянула Настя, высвобождаясь из медвежьих объятий. – То спрашивала, сколько у тебя амбаров, то скатерти в столовой щупала, а вчера вот вздумалось ей объем моего бюста определить – аж с мерной лентой заявилась.

Настасья умолчала, что этой-то мерной лентой и погнала сваху прочь из дома, и хорошо, что умолчала. Не встрепенулась в купце гордость. Дочке его только что зубы как кобыле не проверяют, а он и рад.

– Молодец Марфа, свое дело знает! Я ей еще перед поездом отписал, завтра к обеду первого жениха пришлет знакомиться. Ты, Настасья, будь ладушкой, сиди в своей оранжерее, прежде чем позову, на глаза не показывайся…

– Но, батюшка, а как же уговор?! – всплеснула руками Настасья.

– Цыц, неугомонная! Уговор уговором, Букашкинское слово крепче алмаза! Петька, заноси!

Дверь в оранжерею снова открылась и загорелый до черноты паренек торжественно внес внутрь горшок с торчащим из него алым бутоном размером с крупное яблоко.

– Вот он твой Кокинус Пендель! – торжественно возвестил купец. – Как и обещал.

Настя побледнела и обессиленно села на табурет.

Все пропало!

– Ты что ж не рада?

– Рада, батюшка…

– Петька, ставь подарок!

Паренек не без труда дотащил горшок до стола и водрузил аленький цветочек прямо рядом с горелкой. Только тут купец заметил Настасьины приготовления.

– А это что ж?..

Назревал скандал (где это видано, чтобы купеческая дочка зелейскими экспериментами баловалась?), и Настя выдала первое, что пришло ей в голову:

– А это удобрение, батюшка, для цветочков.

– Добре. А то наш Косинус по дороге сник, думал, не довезем, – похвалил Степан Гордеич, а потом возьми и плесни из склянки с зубозакрепляющим декохтом прямо в горшок.

Настасья аж на табуретке подпрыгнула!

– Батюшка!

– Ишь как вскинулась! Лей, лей, не жалей, – засмеялся купец. – Разведешь их в оранжерее, будем продавать.

“Ага, как же… – подумала несчастная Настасья. – Цветочек этот аленький теперь загнется самое позднее к завтрашнему утру… Как и мое девичество…”

Глава 1. Это был отличный план!

Атрокс

Пребывание в астрале было как сон, только без сновидений. После своего перерождения в костеца Атрокс не нуждался в отдыхе, поэтому ощущение падения в никуда было пугающим. И на его фоне возвращение из безвременья – внезапное и болезненное, как от пинка в нижепоясницы – всколыхнуло панику и ярость.

С трудом собрав мысли в кучу, Атрокс наконец понял, что происходит, и едва не расхохотался. Его зацепило призывом астральных сущностей! Кто-то поблизости проводил ритуал и ненароком призвал его. Это так нелепо и одновременно удачно, что даже не верилось!

Зов был предельно широким и говорил либо о самонадеянности чародея, либо о его неопытности. Но при этом вектор ощущался четким, устойчивым, значит, призывающий был достаточно одарен. Атрокс запустил поиск и обнаружил еще один источник маны. Он ощущался ближе, но слабее. К чему размениваться на слабака, когда чуть дальше уже и стол накрыт? В том, что он с легкостью захватит тело чаро-

дея-недоучки, у Атрокса даже сомнений не было.

Он освободился от привязки к филактерии. Совсем рядом улавливались вибрации того глупца, который вывез Атрокса с острова (не забыть его наградить – убить последним или хотя бы с почестями) и нащупанное ранее слабое магическое поле. Пока Атрокс не очень хорошо освоился с восприятием мира новым набором органов чувств, поэтому скорее почуял, чем увидел, что поле принадлежало девушке.

Фу!

Какое счастье, что он сослепу не захватил её тело!

Женщина… Буэ! Что может быть хуже, чем быть женщиной?!

Кто примет всерьез женщину-чародея? Нет, с этой носительницей маны Атрокс расправится первой. И резерв подкачает, и ей услугу окажет: девице заниматься колдовством просто неприлично!

На этой мысли довольный Атрокс рванул ввысь и словно врезался в каменную стену с разгону. Он все еще чувствовал зов, но не мог на него двинуться.

Его будто заперли в клетке.

Атрокс пытался дернуться вправо, влево… вниз, в конце концов! Там располагался его родная филактерия, а оттуда и до Нави два шага, чтобы переждать все это безобразие. Но…

Маг вынужден был признать: каким-то невероятным образом жалкая девица умудрилась его зафиксировать! Проанализировав собственное состояние и нити удерживающей

силы, он понял, почему не заметил подготовки направленного против него заклинания.

Потому что заклинания не было!

Было зелье!

А ведь зельеварение Атрокс считал самым бесполезным во всей магической науке! Зелейниками становились только полные бездари, это любой знает. А Атрокс никогда не был бездарностью, даже в те далекие времена, когда еще не стал Атроксом!

Именно потому в зельях не разбирался совершенно.

Однако из теории общей магии он знал, что бесплотную сущность можно привязать только к живому объекту. Это была хорошая новость. Если организм есть, его можно подчинить. Нужно всего лишь время, чтобы разобраться в ситуации и разрушить матрицу зелья. У любого заклинания есть слабое место. Атрокс его непременно найдёт. У него всё получится, к гадалке не ходи!

Просто не сразу.

Первым делом нужно освоиться с новым обиталищем.

Маг сосредоточился на ощущениях.

Организм ему жал. После бесконечного астрала любое тело показалось бы тесным, но то, в котором оказался заперт маг, ощущалось просто крохотным. Возможно, это ребёнок, что было бы логично, учитывая женщину рядом.

Или карлик.

К сожалению, попытка обратиться к органам зрения за-

кончилась провалом. Возможно, ребенок или карлик был слепым. Со слухом тоже ничего хорошего не получилось, хотя слабые звуковые колебания маг всё же улавливал. Но учитывая, что людей вокруг больше не нащупывались, проверить, насколько он глух, Атрокс пока не мог. Единственное, что он определил наверняка, было положение в пространстве: где верх, где низ, он знал совершенно точно.

Для начала неплохо.

Теперь маг сосредоточился на теле. Ему удалось распознать конечности, но двигались они с огромным трудом. Почти не двигались. Точнее, те, которые располагались сверху, хотя бы слегка поворачивались. А те, что внизу, были словно закованы в колодки. Видимо, за время пребывания в астрале Атрокс совсем разучился управлять человеческим организмом.

…Или карлик был парализованный.

Во всяком случае становилось понятно, почему против него использовали зелье. Точнее, зелейница, скорее всего, не собиралась сражаться с Атроксом. Криворукая пустоголовая самка пыталась вылечить доставшееся ему немощное тело!

А ему просто не повезло оказаться в неподходящее время в неподходящем месте.

Атрокс наивно полагал, что нет ничего хуже, чем оказаться запертым в теле женщины.

Есть!

Оказаться в теле слепого (и, возможно, глухого) парали-

зованного карлика!

Ладно.

Время.

Время лечит.

Вылечит и карлика.

С магическим резервом Атрокса куда оно денется?

Радовало одно: он хотя бы не страдает от боли.

И тут, словно в насмешку, тело испытало дискомфорт. Тот исходил откуда-то сверху, где, по расчетам мага, должна находиться голова. Сначала это было смутное неудобство, которое с каждым мгновением становилось все сильнее и сильнее. Дискомфорт сменился зудом и пульсирующей болью. Будто загноившаяся заноза, как вспомнил Атрокс из позапрошлой жизни.

Только заноза огромная.

И их было много.

Это было так ужасно, что маг бы заплакал, если бы знал, как это сделать. И даже закричал. Но кричать у него тоже не получалось. Похоже, карлик попался еще и немой.

Атрокс слегка качал головой, пытаясь унять мучения. Снова попытался сбежать в филактерию, но лишь убедился, что накрепко связан с убогим телом. На его счастье, постепенно голова наливалась тяжестью и жаром, и маг наконец впал в беспамятство…

Проснулся Атрокс от лучей солнца. Мысль о том, что он всё же способен различать свет, обрадовала и заставила вос-

прянуть духом. Безвольно обвисшие конечности хоть и по-прежнему едва двигались, но бодро потянулись вверх.

Второе, что ощутил Атрокс – отсутствие боли. Точнее, она была, но отнюдь не такая сильная. Скорее, так, остаточная.

Третье, что он почувствовал: по его голове ползла муха. Огромная толстая муха. Это было ужасно: не иметь возможности ее стряхнуть.

Но не это было самым противным.

Маг неожиданно осознал, что не хочет ее стряхивать!

Напротив, с каждым движением маленьких волосатых лапок муха становилась все желанней.

Все привлекательней.

Атрокс ощутил, как его новое тело напряглось, боясь пошевельнуться. Насекомое неосторожно заползло ему в рот… И он резко клацнул челюстями, закрывая мухе выход на волю.

Настя

Настасья проснулась рано – стоило "подготовиться к женихам". Так батюшке и сказала. Тот одобрил – прихорашиваться дочка собралась, но у Насти на уме было совершенно иное.

За ночь многое передумав о своей судьбе, поутру девушка первым делом побежала в оранжерею. Если повезет, она

еще успеет приготовить новый декохт! Нет, на этот раз не зубозакрепляющий, и даже не для красоты неписанной. Зелье должно было вызывать сыпь, да такую, чтобы ни один жених за все батюшкины амбары и льняные скатерти вместе взятые не позарился.

Настасья была не из тех гордячек, которые собственной внешностью упивались, румянились да нарочно белое личико в окошко выставляли, ловя восхищенные взгляды зевак. Подумаешь походить пятнистой пару недель! Кстати, лик свой, декохтом преобразованный, в окошко можно и выставить – слухи пойдут, женихи даже до ворот доходить не будут. Кому нужна жена рябая? Да вдруг еще заразная? Не-е-т, купцы такого не любят, а их лоснящиеся сынки и подавно. А за это время она успеет новый зубозакрепляющий декохт изготовить и испробовать.

Эх, жаль, что первый образец пропал так бездарно! И зелье потеряно, и цветочек безвинный пострадал! А ведь из него такие декохты могли получиться, все столичные зелейники бы обзавидовались.

Вспомнив о несчастной жертве своей лжи, Настасья бросила грустный взгляд на этажерку (куда вчера с глаз долой задвинула повыше Coccinius pendulum), ожидая увидеть пожелтевшие листья и увядший бутон.

Но нет! Аленький цветочек был алее, чем когда бы то ни было!

Удивленная Настя подобрала юбки и полезла доставать

живучую флору. А вдруг, действительно, для зелий пригодится? Это же какая природная стойкость! Вот тебе и pendulum… Почему не Coccinius erectum?

Полка была высоковата, а задвинула цветок на нее Настасья вчера с приступочки, поэтому пришлось нашаривать горшок рукой наугад. Ага, вот и пористый глиняный бок!

– Ай!

Настасьин палец задел нечто острое. От неожиданности девушка дернулась, ударилась головой об этажерку, отчего в глазах на секунду потемнело, но все же вытащила батюшкин подарочек на свет. Пальцы пальцами, а заморская флора дороже.

Флора эта смотрела на Настю алыми лепестками распустившегося бутона, который вдруг разрезала напополам улыбка… с зубами…

Как и сулила Настасья воображаемым покупателям: "здоровыми и красивыми"…

Платон

Платон не находил себе места и был готов рвать волосы на голове. Но какой смысл? Как только до Мажьего Синода дойдет, что он натворил, его все равно побреют. За такое можно до конца жизни лишиться права на мажескую деятельность. Это если без жертв среди мирного населения обойдется. А если не обойдется, не дай Семаргл, то и на каторгу пожиз-

ненную загреметь недолго. В антимажеских браслетах.

Когда Платон понял, кто откликнулся на призыв, ему стало так страшно, что, казалось, страшнее некуда. Точнее, кого именно он призвал, Платон не понял, – на свое счастье. Но потом стало еще хуже. Пока будущий орденант в испуге перебирал защитные чары, дух сорвался! И ладно бы ушел за грань. Нет, он остался в Яви! Поисковым заклинанием Платон сумел определить вектор, где расположилась бестелесная сущность – где-то в соседском дворе, на который выходили окна его комнаты. Платон с ужасом прислушивался: не голосят ли там? Не грохнуло ли чего? Не заполыхало? Страшно подумать, что может свершить такая могучая сущность в дурном расположении духа!

Всю ночь он провёл, мечась из паники в ужас и обратно, и к утру был целиком вымотан неопределенностью и отчаянием. Со стороны соседей ощущались остаточные эманации, которые утверждали: дух на месте, но затаился. Вряд ли его сейчас смог бы учуять случайный маг. Но это ровно до того момента, пока сущность не покажет себя. С плохой стороны. Платон решил, что не выдержит сидеть дальше в неведении и ждать с моря погоды. Нужно действовать!

Он надел выходной сюртук, чистую рубаху, завязал галстук по последней моде… Медведев предпочел бы избежать лишних знакомств в местном захолустье. Но раз уж без этого никак, нужно хотя бы выглядеть прилично.

Попытался пригладить волосы, но они упорно торчали в

разные стороны и не желали укладываться даже с использованием магии.

В дверь постучали.

– Сударыня Мария Михайловна вас, Платон Алексеич, завтракать зовут-с, – сунула нос в дверь Алевтина, тетушкина горничная.

– Благодарю.

Платон степенно кивнул. Служанка была миленькой, но он в Заонежъ не любови крутить приехал.

Да и не до них теперь, когда злобная сущность притаилась под боком.

Зато какая бесценная возможность получить навыки духоборства!

Не то чтобы Платон о ней просил…

– Так вы, сударь, идете? – поторопила Алевтина.

– Иду, иду.

Медведев бросил последний взгляд в зеркало. Если закрыть глаза на взъерошенные волосы, то хорош.

Тетушка изволила завтракать в столовой. За широким столом, рассчитанным на большую семью, чинно восседала привычно бледная Мария Михайловна, хозяйка дома. В юности она вышла замуж за вдового купца Синичкина. Тётушка стала его третьей попыткой получить наследников, но ни одна из жен так и не порадовала Федосея Карповича. Он был мужчиной состоятельным и наследство супруге оставил

немалое. После смерти мужа тетушка начала чахнуть. Лекари не могли определить корня болезни и лишь бессильно разводили руками. Моложавая для своих неполных сорока лет тетя Маша угасала буквально на глазах.

– Доброе утро, тетушка! – поприветствовал Платон.

– Доброе, Платоша. Что-то ты бледен сегодня. – Хозяйка подняла взгляд от почти полной тарелки с кашей, по которой безучастно водила ложкой.

– Я?.. – Тут Платон откашлялся, прочищая горло.

– Не приболел ли часом? – Тонкие черты родственницы исказились беспокойством.

– Не спалось, – ответил Платон почти чистую правду. – Волнуюсь перед отбором. Мария Михайловна, всё хотел расспросить вас о соседях, да недосуг было. Думаю, надо бы посетить их, представиться…

– Купец Букашкин там живет, – скривилась тетя, будто обнаружила в тарелке волосину.

– Что за человек, чем занимается? – Платон расспрашивал, чтобы понимать, о чем можно завести беседу с хозяином. Нельзя же просто припереться в дом и в лоб спросить: “Я вчерась злого духа упустил. Он у вас еще никого не сдушегубил?”. Неловко как-то.

– Товары заморские возит. Человек он скользкий и ненадежный. Ради выгоды душу вынет и на прилавок выложит! – немного оживилась тетушка, и глаза ее вспыхнули огнем негодования.

Лекари строго-настрого запретили ей волноваться, поэтому Платон попытался перевести все в шутку:

– Значит, хороший купец! А супруга его? Это она оранжереей ведает?

Он заметил редкое для глубинки строение еще по приезде, но тогда ему было не до соседей.

– Вдовец он. Оранжерею когда-то для жены завел, но управляется там младшая дочь Букашкина, Настасья. Засиделась в девках, вот и чудит. – Тетушка набрала в ложку каши, посмотрела на нее и опустила в тарелку. – Ой, вот только про Букашкиных заговорили, так голова опять разболелась… – Мария Михайловна коснулась пальцами лба.

– Принести микстуру? – подскочил с места Платон.

– Ничего, ничего… – Тётушка, опираясь о стол, поднялась с места. – Ты кушай, я сама дойду!

Она сделала неуверенный шаг.

Медведев резво подбежал и поддержал Марию Михайловну под локоток. Все же в первую очередь он здесь, чтобы ухаживать за родственницей. Организовав лекарство и воду, чтобы его запить, и убедившись, что тетушка удобно устроилась на тахте, Платон вернулся в столовую.

Беспринципный торгаш и его доченька с легкой придурью на фоне стародевичества. Веселое знакомство намечается! Однако идти все равно нужно. Потому что злобный дух сам себя не поборет!

Степан Гордеевич

Степан Гордеевич готовился к женихам, возможно, даже тщательнее иной девицы на выданье. Маленькие ножнички с перламутровыми ручками в его пальцах летали словно заморская птичка колибри, ровняя густую бороду. Настасья раньше бывало посмеивалась над родителем и его трепетным отношением к волосам: "Экий вы, батюшка, модник! " Но что она сопливая понимает. Невесту берут по родителям, и Степан Гордеевич собирался не упасть в грязь лицом. Пусть все видят, какова она Букашкинская кровь!

Закончив с ножницами, он перешел к пасте для фиксации, как вдруг из-за двери раздался голос Петьки, верного его «оруженосца».

– Степан Гордеевич, к вам там пришли!

Купец степенно вытер ладони – негоже спешить, не лавочницу какую замуж выдает – и медленно вышел из комнаты. Но по лестнице однако ж спускался бодро, чтоб сваты не дай бог не подумали, что Букашкин уже сдал и теряет хватку.

В гостиной его ждал сюрприз.

Жених был один, без солидной компании сопровождающих. Он сидел на краешке дивана, нервно теребя перчатки, а при появлении Степана Гордеевича вскочил, будто диванная пружина впилась в мягкое место.

До поры до времени придержав удивление и возмущение,

Степан Гордеевич по закоренелой привычке стал мысленно «проверять качество товара». Даром, что именно сваты начинают разговор с сакраментального «у вас товар, у нас купец», Букашкин точно знал, кто здесь кто, и поэтому (да еще заради Настенькиного счастья) был беспощаден.

Отсутствие сватов – это минус.

Зато, как только вскочил молодчик, сразу стало видно, что роста в нем поболее двух с половиной аршинов – а это галочка. Жирная такая галка… чайка, альбатрос, можно сказать. Если в каком и нуждалась Букашкинская порода улучшении, так это в плане роста. Сам Степан Гордеевич был хоть и крепок, но коренаст, Настасья та вовсе – хрупкая тростиночка.

Оделся жених излишне модно, но прилично. Ну допустим галочка – с возрастом пройдёт, форсить перестанет.

Кстати о возрасте, молодец казался хорошо если лет на пять старше Настасьи. С одной стороны прекрасно, супружеские пары, где жена мужу во внучки годится, Степан Гордеевич считал смехотворными… По личным причинам. С другой стороны, как такому юнцу дочку доверишь? Тут галка никак не выходила, максимум воробей растрёпанный.

Оставалось выяснить самое главное…

– Здравствуйте! – с некоторой нервозностью (это и понятно, дело то какое серьезное) поприветствовал гость хозяина.

– Доброго утра, – степенно сказал купец. – С кем имею честь?

– Медведев, Платон Алексеевич, сосед ваш, Марии Ми-

хайловны племянник, – протянул крепкую ладонь жених. Только видно стало отворот рукава в мелу вымазанный.

Мел – дело такое, кто-то подсчеты на доске делает, а кто и ставочки записывает… У купца глаз наметанный и чутье натасканное на разных проходимцах. Вот и сейчас Букашкин насторожился, что-то было здесь не чисто… окромя рукавов.

Нет, Медведевы, конечно, род крепкий, зажиточный даже. Случилось правда у Степана Гордеевича с той соседкой одно недопонимание в прошлом…, но сколько лет минуло. Может, поэтому и без сватов?

– Рад знакомству, рад, – Не подавая виду в том, что творится в его голове, подстриженной в кружок, пожал купец протянутую ладонь. – А что же тетушка ваша не пожаловала?

– А она и не знает, что я здесь – легкомысленно отмахнулся молодчик. – Состояние не то, чтобы волновать. У вас-то, все живы здоровы?

– Спасибо, не жалуемся.

– В хозяйстве все ладно?

– На сколько я знаю… – Букашкин не сразу сообразил, куда клонит странный визитер.

– Слышал, вы из плавания недавно вернулись… Может, привезли что-то необычное?

Иш ты, прохвост! Про соседкины… про Машины хвори Степан Гордеевич знал, хоть и думал, что это все больше от самомнения, но вот по племяннику ее пока картинка скла-

дывалась скверная. Как посмел наглец одновременно и усомниться в физическом здоровье невесты, и поинтересоваться не привез ли ее отец из морского плавания какой заразы, от которой можно уйти из жизни безвременно, оставив молодых супругов горевать над приличным наследством?!

– Спасибо за заботу, не хвораем. И врачебный осмотр прошли в порту как полагается, всей командой.

– Вы уверены, что все хорошо? – Медведев был искренен и участлив, даже в глаза заглядывал не хуже дворового пса, ожидавшего костей.

– Уверен! – чуть весомее чем следовало ответил Степан Гордеевич и сам перешел в нападение. – А вы позвольте, поинтересоваться, чем занимаетесь? Ведете дела вместе с отцом? Алексей Михалыч знает о вашем визите?

Молодчик смешался.

– Нет, что вы… Мы эмм.. так тесно не общаемся, да и не успел бы я рассказать…

– Ну так чем вы занимаетесь, Платон Алексеевич? Я, сами понимаете, вправе поинтересоваться, – не ослаблял хватку купец, хотя ему и так уже было все понятно.

По всему выходило, что Медведев младший вел праздную жизнь молодого повесы. Отец, вероятно, уже давно начал потихоньку урезать ему содержание, а тут от тетки ли, от свахи ли услышал молодчик, что сосед дочку свою с хорошим приданным отдает. Потому и без сватов – торопился бедолага, будешь щелкать клювом, такую как Настасья вмиг со двора

сведут – второй не найдешь.

– То тем, то этим… – подтвердил догадки Степана Гордеевича горе жених. – Подождите, в смысле, вправе поинтересоваться?

Букашкин скомкал воображаемый список «проверки качества товара», приобнял зарвавшегося визитера за плечи и решил дать тому отеческое наставление – все ж сосед, как никак. Опять же Машин племянник. Нечего вражду еще пуще раздувать.

– А в том самом смысле, что женино приданое это конечно хорошо, но если не уметь с ним управляться, утечет сквозь пальцы еще до деревянной свадьбы…

– Погодите, какое приданое? – строил из себя благородного Медведев.

Купец спустил ему и это. Пусть ума разума набирается.

– Платон Алексеевич, я вижу вы человек модный, современный. Но вы и меня поймите, есть же обычаи, традиции, приличия в конце концов. Ладно вы без сватов заявились, такое допустимо для мужчины делового и самостоятельного, но без свахи и подарков – это уж совсем ни в какие ворота.

– Так вы думаете, я свататься пришел? – Жених, которого Букашкин понемногу теснил к выходу, в последний момент, видимо, решил сохранить лицо.

– Ну не с добрососедским же визитом узнать про здоровье, – мягко пожурил его Степан Гордеевич уже в дверях. – Петька, проводи гостя, и посмотри, чтоб не задерживался.

Глава 2. Не оранжерея, а проходной двор какой-то!

Настя

Позабыв про декохт для сыпи, Настасья суетливо листала “Справочник растений со всего мира”. Какая уж там сыпь, когда это чудовище только что прямо на глазах у зелейницы совершило такое непотребство, что нарочно не придумаешь.

Случилось это когда Настя (не без гордости) рассматривала проклюнувшиеся у цветка зубы. Зубы вышли первостатейные: ровные, белые, но заостренные… нечеловеческие. Требовать человеческих зубов от экзотической флоры казалось странно, поэтому Настасья была довольна результатом случайного эксперимента и открывающимися для ее дела перспективами, но ровно до того момента, пока в оранжерее не зажужжала жирная черная муха.

Сначала девушка не обратила на нее внимания, зато назойливое насекомое не обошло своим вниманием новый цветок. Усевшись на алый лепесток, муха стала премерзко потирать лапки. Настасья уже собралась согнать нахалку, как вдруг губы цветка растворились, словно калитка перед дорогим гостем, и с еле слышным влажным хлопком сомкнулись,

не оставив от мухи и крылышка.

Зелейница тоже сначала открыла рот, затем закрыла и схватилась за голову, а потом и за ботаническую энциклопедию. Ибо крепкие зубы это, конечно, хорошо, но лучше, если покупатели не будут жрать этими крепкими зубами мух. Такое безобразие даже как побочный эффект не заявишь!

Представив себе, как вместе со скляночкой зубозакрепляющего декохта вручает покупателю пакетик сушеных мух – комплимент от заведения! – девушка застонала.

Поэтому Настасья перелистала уже половину оранжерейной библиотеки в надежде прочесть, что Coccinius pendulum и без всякого декохта по природе своей питал гастрономическую склонность ко всем тварям летающим и ещё немного к ползающим.

Ну вот что ей стоило попросить какую-нибудь Hydnora africana? Тоже аленький цветочек, но как глянешь, так вздрогнешь – чудище неведомое, пасть разевающее! Такой "ароматный" подарочек с запахом фекалий батюшка вряд ли бы до Заонежа довез, и если бы сам не выбросил по дороге, так команда корабля бы постаралась. А умудрился бы привезти, сейчас бы не в пример проще было цветочек в энциклопедии найти, вон аж две страницы про ее плотоядную страсть к жукам навозникам исписано, а про Coccinius pendulum ничего.

Когда в первые полчаса поиски не увенчались успехом, девушка решилась на еще один эксперимент. А ну как слу-

чайность? Или вовсе почудилось после бессонной ночи…

Поймать вторую муху не стоило и пытаться, но вот прямо над входом в оранжерею натянул свою сеть мушиный классовый враг – паук. Настасья подтянула к двери табуреточку и бесстрашно полезла ловить. Иные девицы поойкали бы для приличия, но у зелейницы со всеми рабочими ингредиентами разговор был короткий. Паук еще не успел осознать всех превратностей своей судьбы, а Настя уже запихивала восьмилапого в пасть "аленькому цветочку". Цветочек не имел ничего против… и расправился с подношением в мгновение ока.

В этот-то щекотливый момент, когда одна из паучьих ножек еще торчала меж зубов батюшкиного подарка, в оранжерее раздался странный скрипучий звук, протянуло сквозняком и на фоне папоротников против солнца нарисовалась мужская фигура.

Внутри у Настасьи все похолодело: а ну как сейчас батюшка увидит ее "приготовления к женихам", да еще паучью ножку эту несчастную… Но холод быстро сменился гневным жаром: для низкорослого купца фигура была слишком высока, да и стройна, чего уж там, к тому же появилась не со стороны входа, а оттуда, откуда сейчас веяло сквозняком.

"Вор!" – поняла Настасья.

Всякое случалось в доме Букашкиных, слывших зажиточными даже на Милионной улице, но чтобы тати средь бела дня в окошко лазили – такого еще не было.

От возмущения позабыв не только о своей хрупкости, но ещё и громкости (по совести говоря, закричать было бы куда более правильным решением), Настя схватилась за первое, что попало под руку – мотыгу.

– Еще шаг и зашибу! – бесстрашно пригрозила она. – Не стыдно на чужое добро зариться?

Зариться в оранжерее было особо не на что, ананасы и те не поспели, но злодей скорее всего об этом не знал, поэтому угрозе не внял, даже наоборот сделал несколько шагов вперед. Совсем совесть потерял!

Настасья слов на ветер не бросала, подхватила со стола ближайшую склянку (мотыга пригодится для ближнего боя, расставаться с ней было жалко) и запустила ей в вора.

– Ай! Вы что творите? – Преступник метнулся в сторону и наконец-то стал виден в деталях.

Темноволосый молодой человек был одет не хуже иного денди с променада – вот это криминальные элементы нынче пошли! Видно дело его процветает, даже желтые перчатки надел, не понятно для форсу ли, или слышал о новой науке дактилоскопии.

Настасья мимоходом отметила и прямой нос, и как-то по особенному изогнутые губы, но ни секунды не сомневалась, что никакая внешняя привлекательность не помешает ей отмотыжить супостата, поэтому грозно подняла свое оружие.

Тут произошло неожиданное.

– Анастасия Степановна? – вдруг неуверенно произнес

вор (вор ли?) и следом затараторил, выставив руки вперед. – Подождите! Вы всё неправильно поняли! Я только что был у вашего батюшки, но так и не смог с ним толком объясниться. А дело важное, не терпящее отлагательств!

“Не вор. Хуже!” – догадалась Настя. – “Жених!”

Мотыга сама опустилась в ослабевших руках.

Платон

Этот Букашкин – сумасшедший какой-то.

Платон никак не мог прийти в себя после разговора с соседом. Видимо, совсем плохо дела у его дочери обстоят, раз он в первом попавшемся госте жениха видит!

И у папаши дела худо – с головой.

Платон Медведев ему на роль будущего зятя не подошёл! Он, между прочим, первым на потоке по успеваемости был! И отмечен грамотой за оригинальный подход в выпускной работе!

Правда, Платон не торопился делиться с Букашкиным своими достижениями. А ну как злобный дух обнаружился у соседей не просто так? Не даром же тетушка от них не в восторге? Плавает за товарами разными за моря-океаны. Мало ли, что он там привозит под видом иноземных безделиц? Поэтому Платон решил не хвастаться и о магических своих навыках всем подряд не сообщать. Но род Медведевых сам

по себе не из последних!

Правда, отец был не слишком рад, что сын выбрал магическую стезю, а не продолжил купеческие традиции. Тут Платон не соврал: с отцом отношения у него сейчас были не самые близкие. Ну ничего! Вот пройдёт он в орденатуру, тогда даже отец оценит достижения отпрыска!

Только для этого сначала нужно найти и локализовать бесплотную сущность, что спряталась где-то поблизости. Прежде чем та устроит катаклизм уездного масштаба, чем порушит все амбициозные планы Медведева-младшего.

А этот сумасшедший Букашкин не дал Платону даже толком оглядеться!

Отрок лет шестнадцати довел его до входной двери и, старательно изображая взрослого человека, который устал от тягот власти, указал на выход.

– Будьте добры, сударь, покинуть дом. Вам тут не рады. Ворота сами найдете?

Вы поглядите, каков наглец! Не проводить посетителя до выхода – проявить к нему редкое неуважение.

Впрочем, сейчас это было даже на руку.

– Всенепременно!

Платон же не сказал, что найдет их сразу?

Тем более, он их и не терял.

Двери захлопнулись за Медведевым, стоило ему ступить за порог. Платон на всякий случай отошел от дома, чтобы усыпить бдительность провожатого. Хотя в особую предо-

сторожность мальчишки не верилось.Наверняка слишком много чести будет гостю, с его точки зрения. И все же Платон подстраховался и не спеша, прогулочным шагом, добрался почти до ворот. Но, немного не доходя, нырнул за развесистый куст цветущего жасмина. Здесь он намеревался убедиться, что никто маневра не заметил, и подумать, что делать дальше.

Степан Гордеич был купцом зажиточным и усадьбой мог похвастаться обширной. Дом в два этажа с подклетью, окна и карнизы с резной отделкой-кружевом. Огромный амбар с обитой железом дверью и здоровенным замком, наверняка зачарованным. Конюшня. Флигель с пристроенной оранжереей. Помещений много. Искать – не переискать.

Если хозяин дома не заметил духа, то, вероятно, он вселился не в животное и не в человека.

Хотя это не точно.

Духи, как читал Платон в учебниках, бывают хитры. Особенно, высшие. Не те, которые остаточные эманации от сильных переживаний одаренных особ. Такие, словно эхо, не способны ни на что, кроме как вызывать те самые эмоции, которыми были порождены. А высшие сущности возникают из сильных магов, которые не желают оставаться в Нави, а в Правь их не пускают – не заслужили. И если дух, которого недопризвал Платон, из них, то ситуация складывалась весьма щекотливая.

Такие духи сохраняют сознание, память и, что самое пло-

хое, прошлую личность со всеми ее недостатками и, как правило, дурным характером. Обычные люди, не обладающие даром волошбы, не представляют для них интереса. Между духом и человеком, в которого он вселяется, происходит как бы усреднение. Поэтому они охотятся на сильных и умных магов. А если таковых поблизости нет или есть, но не по зубам, предпочитают переждать в артефактах-носителях, как те сущности, которых Платон в университете призывал.

Хуже, если Медведев его прямо из Нави вытащил. Тогда артефакта у него нет, и он вполне мог подчинить кого-нибудь из домочадцев (или даже приходящих слуг) и притаиться. В таком случае действовать нужно быстро, пока ему не удалось добраться до какого-нибудь не подготовленного к встрече мага.

Платон был готов принять удар на себя. Поэтому, надеясь, что мимо не проходит патруль Стражи, запустил поисковое заклинание. Оно слабо, но отреагировало. Значит, дух не ушел. Вектор указывал на флигель с оранжереей. Платон отправился к нему в обход, вдоль забора, чтобы не попасться на глаза случайному наблюдателю.

На удачу одно из окон оранжереи было приоткрыто. Распахнув его пошире, Платон протиснулся внутрь. Его чуть не сбило с ног жаром и экзотическими ароматами. Пальмы с огромными листьями, тропические лианы, диковинные цветы – всё это окружало со всех сторон, будто из Заонежа он провалился куда-нибудь в джунгли. Медведев так растерял-

ся от неожиданности, что оступился и чуть было не упал.

– Еще шаг и зашибу! – прозвучал грозный девичий голос из глубины оранжереи. – Не стыдно на чужое добро зариться?

Медведев не подумал, что окажется здесь не один, и попытался скрыться, но в его сторону полетела склянка, разлетевшись на осколки о ближайший ствол дерева.

– Ай! Вы что творите? – Платон чудом увернулся и неожиданно оказался прямо перед хозяйкой.

Ею оказалась симпатичная девушка: миленькая, маленькая и стройная, в наряде не самом модном, но, безусловно, выдающем достойное происхождение. Она растерянно смотрела на визитера.

– Анастасия Степановна? – дошло до Платона. – Подождите! Вы все неправильно поняли! – Он выставил перед собой ладони. – Я только что был у вашего батюшки, но так и не смог с ним толком объясниться. А дело важное, не терпящее отлагательств!

Лицо хозяйки исказилось отчаянием, и тут поисковое заклинание, которое маг так и не свернул, вдруг встрепенулось и указало прямиком на девушку.

Сердце упало.

Несчастная жертва его непростительной ошибки! Он должен немедленно все исправить!

– И что же такое важное вы хотите сообщить? – От тона девушки веяло таким холодом, что вся диковинная теплолю-

бивая флора должна была уже покрыться сосульками.

– Я…

Нужно срочно изгнать бесплотную сущность, пока та не нанесла разуму девушки непоправимый ущерб! А для этого необходимо запустить заклинание. По возможности – незаметно. А как это сделать, если он стоит на виду?

Платон нерешительно шагнул назад, под прикрытие деревьев.

– Я хотел сказать, что у вас потрясающая коллекция растений! Батюшка вам привозит их из своих странствий? Мне тут одно очень понравилось… – Он шагнул за куст с гигантскими пестрыми листьями и стал вычерчивать в воздухе активирующую формулу.

– Так вы с моим батюшкой о коллекции растений общались?! – наступала на него одержимая хозяйка с угрозой в тоне.

– Ну… не только… – Удерживать в голове заклинание и находчиво отвечать не удавалось. А еще нужно было скрыться с ее глаз, чтобы захватившая тело сущность не заметила подозрительные действия. – Еще мы…

И тут Платон почувствовал тонкий будоражащий аромат, исходящий со стороны Настасьи Степановны. Он шевельнул ноздрями, вдыхая… Девушка, казалось, удивленно обернулась назад.

Всего на мгновенье.

И оно показалось Платону бесконечным.

Эти огромные ореховые глаза должны смотреть только на него, вдруг понял он. Эти нежные розовые губы созданы для поцелуев.

Его поцелуев.

Он шагнул навстречу самой красивой девушке в его жизни.

Она тоже неловко сделала шаг к нему.

Платон бережно обнял тонкий девичий стан, и их уста слились…

Атрокс

…Муха – полбеды. А вот паук, которого в тебя засовывают силком – это просто фу!

Просто верх “фу”!

Хотя… Если распробовать…

Атрокс поймал себя на этой мысли и содрогнулся. Парализованный слепо-глухо-немой карлик, которого кормят пауками!

Его чуть не вырвало.

Но в пищеварительном соке томился паук, распространяя вокруг себя сытое удовлетворение.

Светло, тепло, влажно…

Паук. И муха. Прекрасная пара, когда они вместе в желудке…

Ленивая нега охватывала Атрокса, погружая в полуденный сон, когда прикосновение чужой магии заставило его встрепенуться. Кто-то его искал! И, судя по ауре, – тот самый маг-безумец, который его и призвал!

Некоторым их жизнь слишком лишняя. Атрокс с удовольствием поможет самонадеянному юнцу. Главное, чтобы тот вытащил Атрокса из этого бесполезного тела! А потом Атрокс и с наглой одаренной девицей, которая сует в него пауков, расправится.

С другой стороны, пауки, как выяснилось, весьма питательны…

Пусть живет!

Приближение мага бодрило. Даже парализованные многочисленные (Атрокс до сих пор не мог понять, почему ему кажется, что их много) конечности карлика, казалось, обрели упругость и силу. Предвкушение скорого освобождения возбуждало. От этого членистроногая пара переварилась с такой скоростью, что Артрокс снова почувствовал голод. Несмотря на поток живительной энергии, которую вливало в него солнце, хотелось чего-то… Более существенного.

Дурачка-мага, например!

Атрокс в душе захихикал от собственной шутки. И когда он ощутил магические эманации ритуала изгнания, был готов от счастья из штанов выскочить! Но, во-первых, штанов у него не было. Хотя с чего он так решил? При девице же карлик должен лежать в штанах? А во-вторых, его намертво

заклинило в этом теле.

Каждый пасс, каждый магический символ, который приближал освобождение, наполнял Атрокса блаженством. Блаженство и даже эйфория распирали его изнутри, будто газы после квашеной капусты, и вдруг – п-пу! – вырвались наружу.

В тот самый момент, когда маг закрыл первый контур заклинания, чтобы ослабить путы, удерживающие духа в теле. Недоучка-маг вновь совершил ошибку. Заклинание изгнания было нужно, чтобы вытащить духа, который упирается в теле и не хочет его покидать. А Атрокс был готов вырваться в любой момент. Но не мог. Идиотка с пауками заперла дух неудачливого костеца в бесполезном сосуде. И теперь, когда "сосуд" дал трещину, Атрокс рванул из него со всей скоростью…

Но заклинание внезапно прервалось.

Зато теперь Атрокс мог видеть! Та его часть, которая выбралась наружу, магическим зрением обозрела округу. Да, как он и думал, маг был совсем юнцом! Пусть не прыщавым, а вполне себе с видным телом. Будущее тело Атроксу понравилось. Высокое, ладное. Хорошо о нем прежний хозяин заботился. Молодец! Атрокс доволен.

А вот то, ради чего недоумок прервал заклинание на полпути, возмутило костеца до глубины души! Представьте себе, юнец целовался! Целовался с той самой девицей, которая его, Атрокса, приковала к телу…

И тут он оглядел себя.

Точнее то, в чем он оказался заперт.

…Раньше ему казалось, что вершина невезения – быть привязанным к парализованному карлику.

Но подлая зелейница поймала его в горшок! В то самое растение, под корни которого Атрокс сунул свою филактерию!

Это был позор! Это был такой позор, о котором Атрокс умолчит в своих мемуарах, которые непременно напишет после захвата мира. Он даже не овощ! Он какой-то уродливый цветок! Цветок, лепестки которого усеяны зубами!

Вот почему ему понравилась муха!

И паук!

Паук больше. Потому что сам паук больше. Чем муха. Мысль о членистоногих тварях заставила его затрепетать от вожделения.

Отчаяние вкупе с голодом и мечтами о топоте волосатых лапок по лепесткам наполнили его гневом, как ранее – эйфорией. Атрокс ощутил, как распирает его злость, бессилие и… жажда мух.

П-п-у!

Костец почувствовал облегчение.

А юнец-маг и вертихвостка-зелейница оторвались друг от друга. О! Это работает! Атрокс напрягся и изверг из глубин остатки гнева. Лица парочки брезгливо исказились.

Ну же! Самое время продолжить заклинание!

И в этот момент в дверь (Атрокс вдруг осознал, что находится не в лесу, а в светлой застекленной постройке) постучали.

Степан Гордеевич

Видят боги, очень старался Степан Гордеевич не сетовать на нынешнюю молодежь, но с появлением Медведева-младшего все старания пошли насмарку, и купец позволил себе по-стариковски побубнеть. На фоне первого жениха даже Петька и тот казался вполне себе кандидатом.

Марфа Ивановна-то куда смотрела?

Стоило вспомнить о свахе, как она собственной персоной объявилась перед воротами Букашкинского дома. Увидеть это из окна, да еще поверх забора Степан Гордеевич смог единственно благодаря гренадерском росту соединительницы сердец и судеб. Накрахмаленные оборки ее чепца только-только проплыли над коваными завитками, обвитыми плющом, а купец уже спешил навстречу, чтобы высказать все свое неудовольствие, пока не расплескалось.

Но булькающий котел возмущения пришлось прикрыть крышкой, потому что Марфа Ивановна была не одна.

На пороге вместе с ней стоял господин среднего роста, средних лет, и судя по виду среднего же достатка и образования. Из выдающегося в нем была разве что черная гусеница

усов над верхней губой, и та смотрелась будто приклеенная.

Наметанный глаз Степана Гордеевича дал осечку – оценить визитера с налету ну никак и не получалось.

– Степан Гордеевич, дорогой! – гаркнула сваха и все многочисленные оборки ее наряда, не могущего скрыть воинской стати русской валькирии, затряслись в ногу и в унисон. – Рада вас видеть в добром здравии!

"И эта про здоровье!" – обреченно подумал купец, начавший уже сомневаться, не ходят ли на улице какие слухи про его семейство.

– А вы, Марфа Ивановна, смотрю, все цветете. Экий румянец, боюсь, женихи, вас увидав, к нам доходить перестанут. Кстати, о женихах: вот так подарочек вы ко мне с самого утра прислали! – не удержался от подколки Букашкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.